

С. И. Владимиров

ТОПОРЫ МАЯЦКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Резюме. В статье рассматриваются топоры, обнаруженные в погребениях Маяцкого археологического комплекса, исследованных Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией в 1975, 1977–1982 гг. В результате типологии материала и поиска аналогий удалось выделить виды и типы топоров как характерных для древностей салтово-маяцкой культуры, так и мало распространенных. Также удалось выявить особенности половозрастной принадлежности захоронений с топорами и встречаемость топоров с различными предметами погребального инвентаря. В ходе анализа погребений с топорами были прослежены некоторые черты обрядности (ориентировка костяков, частота находок оружия), отличающие погребения на территории Маяцкого селища от погребений на территории могильника.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Маяцкий археологический комплекс, погребальный инвентарь, топоры, типология.

Одним из наиболее характерных и распространенных видов оружия у населения салтово-маяцкой культуры, занимавшего территорию лесостепного Подонья и Подонечья, является боевой топорик. Особенно часто он встречается в катакомбных погребениях в составе сопутствующего инвентаря. Несмотря на это, из 141¹ катакомбного погребения, исследованного в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции 1975, 1977–1982 гг. на территории Маяцкого могильника и селища, лишь в 11 катакомбах находились 12 топориков разной степени сохранности. Топорики, найденные в катакомбах, исследованных на территории селища, опубликованы в работе А. З. Винникова и Г. Е. Афанасьева (1991. Рис. 6, 10; 8, 2; 9, 4; 10, 1; 21, 11; 23, 2; 24, 2; 33, 1; 38, 3; 39, 11). Рисунки топориков, обнаруженных в катакомбах могильника, опубликованы в статье В. С. Флёрова (1990. Рис. 18, 1; 20, 1). В обобщающей работе того же автора они упомянуты в тексте без графического сопровождения, что объясняется сосредоточением В. С. Флёрова прежде всего на погребальных обрядах населения, оставившего Маяцкий могильник (Флёров, 1993. С. 24, 32).

¹ На территории могильника, исследованного Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедицией, обнаружено 113 катакомб, содержавших захоронения, а на территории селища – 28 катакомб, также содержавших захоронения.

Однако ни в одной из вышеупомянутых работ топорики специально не рассматривались.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это разница в частоте находок топориков в катакомбах селища и могильника. На территории Маяцкого комплекса топорик встречался почти в каждой тринадцатой катакомбе, что является достаточно низким показателем для катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепи. Однако если рассматривать катакомбы могильника и селища отдельно, то получится, что из 113 катакомб могильника лишь в двух находились топорики. В то же время на территории селища топорики или их части были найдены в каждой третьей катакомбе, для сравнения на территории Дмитриевского могильника топоры находились в каждой второй катакомбе (*Плетнёва*, 1989. С. 74).

В таком случае бросается в глаза редкость находок топориков в катакомбах Маяцкого могильника, что могло быть обусловлено особенностями погребальных традиций, существовавших у жителей Маяцкого селища, например извлечением из вещей катакомб (*Флёров*, 1993. С. 24). При этом в катакомбах на территории селища топорики встречены довольно часто, что может быть объяснено разницей в погребальных традициях, по которым население Маяцкого хоронило умерших в катакомбах селища и могильника. Причины различий погребальных обрядов жителей Маяцкого поселения достоверно не установлены, но их нельзя не учитывать при анализе материалов данного комплекса.

Прежде чем приступить к описанию «маяцких» топориков, необходимо остановиться на подходах к их типологизации. С. А. Плетнёва, основываясь на материалах раскопок Дмитриевского могильника, строила типологию топориков, отталкиваясь от таких признаков, как форма лезвия и форма обушка. По хронологическим построениям автора получилось, что для ранней группы катакомб Дмитриевского могильника характерны топорики с молотковидным обухом, а для поздней группы – с плоским и уплощенным обухом, т. е. изменения форм топоров во времени касались обушной части (*Плетнёва*, 1989. С. 155, 160). В. К. Михеев, специально рассматривая рабочие (хозяйственные) топоры, делил их на узколезвийные и широколезвийные (*Михеев*, 1985. С. 68, 69). А. В. Крыганов, анализируя оружие из салтово-маяцких могильников с трупосожжениями, разделял топорики по форме лезвия (*Крыганов*, 1989. С. 103, 104). Здесь нелишним, на наш взгляд, будет обращение к типологиям топориков, относящихся к культурам, близким салтово-маяцкой в хронологическом и территориальном плане. При типологизации древнерусских топоров А. Н. Кирпичников учитывал такие критерии, как форма лезвия и особенности устройства обуха и щековиц (*Кирпичников*, 1966. С. 29). На материалах VIII–XIV вв. с территории Северо-Западного Предкавказья У. Ю. Кочкаров, помимо упомянутых выше формы лезвия и обуха, использовал для составления типологии топориков такой признак, как форма топора (*Кочкаров*, 2008. С. 65). При рассмотрении мордовских боевых топориков-чеканов С. В. Святкин основное внимание уделил форме обуха, однако учитывал и форму лезвия (*Святкин*, 1998. С. 261). В работе, посвященной оружию ближнего боя волжских болгар VIII–X вв., И. Л. Измайлов использует типологию топоров из Танкеевского могильника, учитывавшую форму лезвия, форму обуха и общий вид бойка (*Измайлов*, 1989. С. 112). Однако в последующей своей работе

в типологии топориков автор выдвинул на первый план такой признак, как форма обуха и щековиц, и только затем форму лезвия (*Измайлов*, 1993. С. 90).

Из приведенных выше примеров типологии топоров видно, что чаще всего в качестве типобразующих признаков исследователи выбирали форму лезвия и форму обуха, однако первичный признак, отражавший изменение формы топоров во времени, определялся исследователями по-разному. В данной ситуации, при небольшой выборке материала, на наш взгляд, наиболее приемлемым будет разделение топоров Маяцкого комплекса на виды по форме лезвия и на типы по форме обуха, как было предложено С. А. Плетнёвой на материалах Дмитриевского могильника.

Вид 1: топоры с треугольным лезвием. Четыре топора были найдены в погребениях на территории селища, и один, в катакомбе могильника.

Тип 1: уплощенный обух, немного расширяющийся к концу (рис. 1, 2, 3). Форма обуха у данных топоров отличается, и их можно было бы выделить в разные подтипы, но из-за небольшой выборки материала считаем, что это будет методически неверным. К этому же виду может быть отнесен топор из катакомбы I в постройке 18, но только теоретически, так как конец обуха у него отломан (рис. 1, 4).

Тип 2: обух с утолщением на конце (рис. 1, 7, 11). К данному типу относятся два топора, которые по форме утолщения обуха отличаются друг от друга: у первого – небольшое расширение к концу, у второго – молоточковидное.

Тип 3: топор с коротким обухом (рис. 1, 1).

Топоры I вида достаточно широко распространены в ареале салтово-маяцкой культуры. Встречены они как на территории могильников с катакомбным обрядом захоронения, так и в кремациях (*Плетнёва*, 1989. Рис. 35; *Колода*, 2004. Рис. 13, 2; *Аксёнов*, 2001. Рис. 1, 2; 5, 22; 2005а. Рис. 4, 3, 4; *Аксёнов, Михеев*, 2006. Рис. 63, 7; 81, 9). Также топоры данного вида известны на территории Северо-Западного Предкавказья, Поволжья, поздние аналогии имеются в древнерусских материалах (*Кочкаров*, 2008. Табл. XXXI, 3, 5, 6; *Святкин*, 1998. Рис. 2, 2, 5, 6; *Измайлов*, 1993. С. 90; *Кирпичников*, 1966. Табл. XI, 5, 6).

Вид 2: топоры с подтрапезиевидным лезвием. Три топора найдены в погребениях на территории селища и один в катакомбе могильника. У топора из катакомбы III Маяцкого селища отсутствует обух, поэтому невозможно определить его тип (рис. 1, 9). Остальные топоры этого вида имеют молоточковидный обух. При этом каждый из топоров данного вида имеет свои особенности: так у топора из катакомбы в хоз. яме 18 окончание обуха имеет грибовидную форму, а у топора из катакомбы II постройки 18 обух сильно оттянут к топористицу, у топора из катакомбы 71 Маяцкого могильника обух немного расширяется к концу (рис. 1, 5, 6, 12). Но выделение подтипов на основе данных особенностей кажется нам неуместным по упомянутой выше причине.

Топоры этого вида также часто встречаются в погребениях салтово-маяцкой культуры, как в ингумациях, так и в трупосожжениях (*Плетнёва*, 1989. Рис. 35; *Аксёнов*, 2001. Рис. 5, 24; 6, 2; 2005б. Рис. 4, 6; *Аксёнов, Михеев*, 2006. Рис. 61, 9).

Вид 3: с двубородчатым лезвием. Данный вид представлен одним экземпляром, обнаруженным в катакомбе в хоз. яме 25 Маяцкого селища (рис. 1, 8).

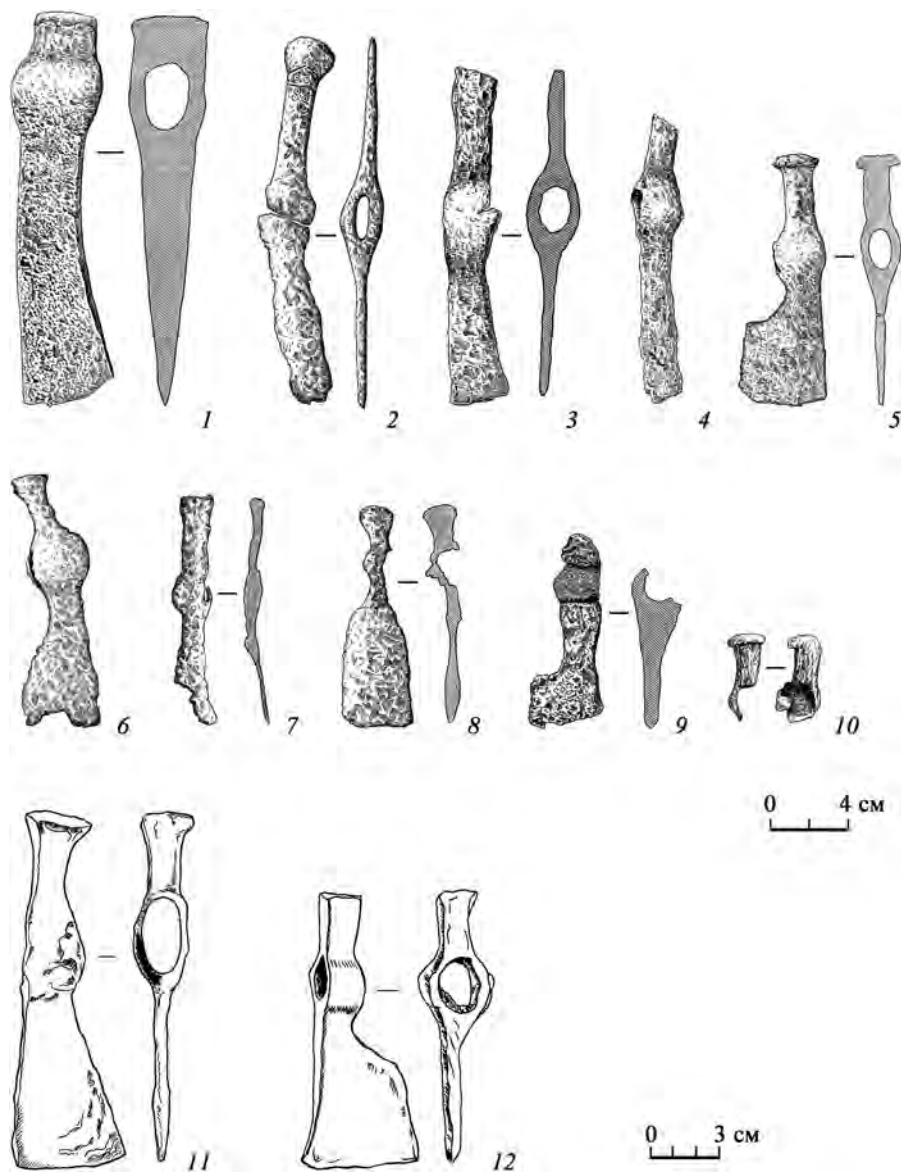


Рис. 1. Топоры Маяцкого археологического комплекса

Маяцкое селище: 1 – катакомба в яме постройки 28; 2, 9 – катакомба III; 3 – катакомба II; 4 – катакомба I в постройке 18; 5 – катакомба в хоз. яме 18; 6 – катакомба II в постройке 18; 7 – катакомба I; 8 – катакомба в хоз. яме 25; 10 – катакомба в хоз. яме 24
 Маяцкий могильник: 11 – катакомба 79; 12 – катакомба 71

Топоры с двубородчатым лезвием достаточно редко встречаются в древностях салтово-маяцкой культуры. Мы можем отметить аналогии в материалах Сухогомольшанского и Красногоровского могильников, а также в погребении воина у с. Кочеток (*Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 19, 4; Комар, Сухобоков, 2000. Рис 2; 56; Дегтярь, 1984. Рис. 2, 2*). Известен топор схожей формы с территории Северо-Западного Предкавказья, обнаруженный в погребении по типу кремации и относящийся к VIII–IX вв. (*Кочкаров, 2008. Табл. XXXVI, 45*).

От топора из катакомбы в хоз. яме 24 сохранился лишь короткий молоточковидный обух с грибовидным утолщением на конце, поэтому нами этот топор никуда не отнесен (рис. 1, 10).

Практически все рассмотренные топоры можно уверенно отнести к боевым. Исключением является топор, обнаруженный под черепом коня у входа в погребальную камеру, в яме постройки 28 Маяцкого селища (рис. 1, 1). На возможность отнесения данного топора к рабочим указывает его размер и ярко выраженная клиновидная форма. Рассматриваемый топор относится к первому типу рабочих топоров, по классификации В. К. Михеева (*Михеев, 1985. С. 68. Рис. 24, 13–18*). При этом нас не должно удивлять, что рабочий топор по своему расположению тяготел к погребению с оружием. В древностях салтово-маяцкой культуры известны случаи нахождения в комплексах с оружием типичных орудий труда, например мотыжек и серпов (*Винников, Афанасьев, 1991. С. 49; Михеев, 1985. С. 47*). Также в комплексах с оружием была найдена часть древнерусских рабочих топоров (*Кирпичников, 1966. С. 29*). Нельзя исключать и то, что топор мог не принадлежать захоронению в катакомбе и нес обрядовые функции, на что указывает его расположение у входа в погребальную камеру, как и топора из катакомбы 79, в обрядовых функциях которого не сомневается В. С. Флёров (1990. С. 156). Какими бы ни были причины, обусловившие такое местоположение, считаем возможным топор из ямы в постройке 28 Маяцкого селища по его первоначальному функциональному назначению считать рабочим².

Особого внимания заслуживает и топор из катакомбы III Маяцкого селища (рис 1, 2). Длина этого топора близка длине рассмотренного нами рабочего, однако отнести его к хозяйственным не позволяет форма лезвия и оттянутый, плоский (лезвиевидный) обух с веерообразным расширением на конце. Еще одной немаловажной особенностью данного топора является циркульный орнамент, нанесенный на обух. Последнее свидетельствует о безусловной принадлежности данного топора к боевым, так как только на боевых топорах встречаются орнаментальные украшения (*Кирпичников, 1966. С. 29*). Что касается циркульного орнамента, то он был широко распространен в древностях салтово-маяцкой культуры, особенно на костяных изделиях, встречен и в материалах Маяцкого могильника (*Флёрова, 1988. С. 91; Флёров, 1990. Рис. 20, 7*). Позднее циркульный орнамент был распространен в лесостепном Поднепровье (*Сергеева, 1998. С. 89*). Однако такого рода орнамент на металлических предметах комплекса во-

² В литературе достаточно распространён термин «универсальные топоры», т. е. топоры, которые могли применяться как в бою, так и в хозяйстве. В данной работе под рабочим понимается топор, изначально изготовленный для применения в хозяйстве, а мог ли он применяться в бою и насколько удачно, это уже другой вопрос.

оружия встречается достаточно редко, и единственной известной нам аналогией является наконечник копья из кремации Сухогомольшанского могильника (Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 72, 1).

Также в катакомбе с орнаментированным топориком был обнаружен обломок еще одного топора, находившегося на тазовых костях ребенка (рис. 1, 9).

Пять³ из рассмотренных нами топориков несут на себе следы либо преднамеренной порчи, либо они уже были сломаны в ходе их использования и в таком виде помещены в катакомбы (рис. 1, 4, 7, 8, 9, 10). При этом у четырех из пяти топоров повреждения касаются в основном проушной части и у одного – обушной. Условно к этим топорам может быть отнесен топор из катакомбы III, а также экземпляр из катакомбы II с трещиной на стенке проушной части (рис. 1, 2, 3). У остальных рассматриваемых топоров дефекты определенно могут быть связаны с коррозией.

Таким образом, встает вопрос о преднамеренной порче этих топоров. Здесь следует обратить внимание на то, что сабля из катакомбы в хоз. яме 18 Маяцкого селища была согнута, т. е. если не все, то какая-то часть жителей селища практиковала обряд преднамеренной порчи оружия (Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 21, 8). Обряд преднамеренной порчи предметов оружия был широко распространен среди населения салтово-маяцкой культуры, оставившего после себя могильники с захоронениями по типу кремации (Крыганов, 1989. С. 98). Однако здесь следует отметить, что чаще всего деформации подвергались сабли и стремена, топоры же очень редко. Были встречены «поврежденные» топоры и в катакомбных погребениях (Колода, 2004. Рис. 13, 2). Также объяснением помещения в погребение испорченных вещей может послужить стремление заменить целую вещь поврежденным, символизирующим ее аналогом. Это косвенно подтверждается характером повреждений рассмотренных топоров – в области проушного отверстия, т. е. повреждений, возникающих при функциональном использовании топора. Вотивная замена предметов погребального инвентаря была подробно рассмотрена А. А. Иерусалимской на материалах могильника Мошевая Балка (Иерусалимская, 1983. С. 102–104).

Взаимовстречаемость инвентаря из катакомб с топорами представлена в таблице 1⁴. При этом упор был сделан на предметы снаряжения воина и орудия труда. В итоге, как видно из данных таблицы, чаще всего топоры были встречены с ножами и деталями поясной гарнитуры, в семи из одиннадцати катакомб с топорами находились мотыжки, в четырех катакомбах топоры были обнаружены с другими видами оружия, в том числе с саблями, остатками дистанционного оружия (накладки на лук, наконечники стрел, крепления от колчана), деталями конской упряжи. Последнее наблюдение не противоречит возможности применения топоров конными воинами (Мерперт, 1955. С. 142, 143; Кирпичников, 1966. С. 45). Что же касается вопроса о половой принадлежности захоронений

³ Все они найдены в захоронениях Маяцкого селища.

⁴ В таблице не учтены украшения, так как более половины рассмотренных захоронений являются парными, что, при часто беспорядочном расположении костей в погребальной камере, затруднило бы определение их принадлежности и могло привести к неверной интерпретации данных сравнения.

Таблица 1. Совстречаемость топоров с инвентарем погребений

№ катакомбы	Пол погребенных	Топоры	Детали поясной гарнитуры	Ножи	Мотыжка	Детали лука, колчана, наконечники стрел	Сабля	Кистень	Детали конской упряжи	Угольная подстилка	Ориентация относительно входа	
											Влево	Вправо
Кат. I	муж./жен.	+	+	+	+	+	+	+		+		
Кат. в хоз. яме 18	муж./жен.	+	+	+	+	+	+		+		+	
Кат. в хоз. яме 24	муж.	+	+	+	+							+
Кат. в хоз. яме 25	муж.	+	+	+	+							+
Кат. I в постр. 18	жен./реб.	+	+	+	+					+		+
Кат. III	муж./мал.	+	+	+	+							+
Кат. 79	муж.	+	+		+	+					+	
Кат. II	жен./мал.	+	+	+								+
Кат. 71	муж./жен.	+	+	+								
Кат II в постр. 18	жен./жен.	+		+								+
Кат. в яме постр. 28	муж.	+				+				+		

с топорами, то в десяти случаях топоры принадлежали захоронениям мужчин или мальчиков, в одном случае – захоронению женщины. В катакомбе I постройки 18 костяки были сильно перемешаны, что затруднило отнесение инвентаря к какому-либо из них, но условно топор был отнесен к женскому захоронению (Винников, Афанасьев, 1991. С. 86). Погребения женщин с оружием были встречены и при исследовании Дмитриевского могильника, при этом по антропологическим данным черты всадничества были характерны не только для мужской, но и для женской популяции населения Дмитриевского комплекса (Плетнёва, 1989. С. 278; Бужилова, 2010. С. 862).

Топоры, обнаруженные в погребениях Маяцкого археологического комплекса, в целом имеют хорошо известные аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры и укладываются в рамки IX – начала X в. – время существования Маяцкого комплекса. При этом нельзя не отметить редкость находок орнаментированного оружия, такого, например, как боевой топорик из катакомбы III Маяцкого селища

и топорик с двубородчатым лезвием, известные аналогии которому происходят из погребений салтово-маяцкой культуры, совершенных по типу кремации. Однако топоры в погребениях Маяцкого комплекса встречались достаточно редко в сравнении с другими катакомбными могильниками салтово-маяцкой культуры. Причину этого можно видеть и в трансформации погребального обряда жителей Маяцкого поселения как наиболее отстоящего от основной территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры в лесостепном регионе. Но также можно найти объяснение этому в изначальных отличиях погребальных обрядов групп аланского населения, мигрировавшего с территории Предкавказья в Доно-Донецкую лесостепь (Флёров, 2000. С. 84, 85). Интересен и тот факт, что большинство захоронений с топорами в погребениях на территории селища были ориентированы головой вправо от входа в погребальную камеру, тогда как на могильнике господствовал обычай класть умерших головой влево от входа. Отличия в ориентировке погребенных в катакомбах были прослежены на примере расселения аланских племен Северного Кавказа V–VIII вв. (Коробов, 1998. С. 52–54). Таким образом, вновь встает вопрос о различиях населения, оставившего погребения на территории селища и могильника.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов В. С., 2001. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. № 1–2. С. 62–78.
- Аксёнов В. С., 2005а. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // *Степи Европы в эпоху Средневековья* / Гл. ред. А. В. Евлевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т. Т. 4: Хазарское время. С. 357–368.
- Аксёнов В. С., 2005б. Салтовские кремационные могильники с конскими начальниками из бассейна Северского Донца // *Хазарский альманах* / Гл. ред. В. К. Михеев. Киев; Харьков: Международный Соломонов ун-т. Т. 4. С. 182–198.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К., 2006. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогольшанский могильник VIII–X вв. Киев; Харьков: Международный Соломонов ун-т. 306 с. (Хазарский альманах; Т. 5.)
- Бужилова А. П., 2010. Донские аланы по данным антропологии // *Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009)* / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 855–866.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е., 1991. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 192 с.
- Дегтярь А. К., 1984. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // *СА*. № 2. С. 239–246.
- Иерусалимская А. А., 1983. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мошечая Балка) // *СЭ*. № 1. С. 102–113.
- Измайлов И. Л., 1989. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // *Ранние болгары в Восточной Европе* / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. С. 107–121.
- Измайлов И. Л., 1993. Оружие ближнего боя волжских болгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения* / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ. С. 77–106.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X–XIII вв. 146 с. (САИ; вып. Е1–36).
- Колода В. В., 2004. Исследование раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // *Хазарский альманах* / Гл. ред. В. К. Михеев. Киев; Харьков: Международный Соломонов ун-т. Т. 3. С. 213–241.

- Комар А. В., Сухобоков О. В., 2000. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. № 2. URL: http://www.archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.
- Коробов Д. С., 2008. Расселение аланских племен Северного Кавказа V–VIII вв. по данным погребального обряда и письменным источникам // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина. С. 52–54.
- Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус. 176 с.
- Крыганов А. В., 1989. Вооружение и войско населения Салтово-Маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалёва. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т. С. 98–114.
- Мерперт Н. Я., 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье // СА. Вып. XXIII. С. 131–168.
- Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа. 148 с.
- Плетнёва С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.
- Святкин С. В., 1998. Относительная хронология мордовских боевых топорики-чеканов VIII–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина. С. 260–266.
- Сергеева М. С., 1998. Орнаментация изделий из дерева и кости в лесостепном Поднепровье в X–XIII вв. // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. Вып. 12. С. 83–95.
- Флёров В. С., 1990. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс: материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С. А. Плетнёва. М.: ИА АН СССР. С. 140–191.
- Флёров В. С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы / Отв. ред. Е. В. Круглов. Волгоград: Перемена. Вып. 1. 144 с.
- Флёров В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа. 164 с. (Труды Клино-Ярской экспедиции; I.)
- Флёрова В. Е., 1988. Орнаментированные костяные изделия Саркела-Белой Вежи: проблема специализации ремесла // РА. №2. С. 86–99.

Сведения об авторе.

Владимиров Сергей Игоревич, Воронежский государственный университет, ул. Хользунова, 50, Воронеж, 394068, Россия; e-mail: SergeiHistory@mail.ru.

S. I. Vladimirov

Axes from the Mayatsky archaeological assemblage

Abstract. The paper reviews axes discovered in the graves of the Mayatsky archaeological assemblage studied by the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition in 1975, 1977–1982s. As a result of typology of the finds and search for similar items, it became possible to single out types and kinds of axes typical for the Saltovo-Mayatsky culture as well as rare axes. The expedition also managed to identify sex and age characteristics of the graves with axes and inter-occurrence of axes and various funeral offerings. Some of the rite characteristics (such as orientation of the dead bodies, frequency of weapon finds) that make graves within the Mayatsky settlement different from the graves in the burial ground were identified during the analysis.

Keywords: Saltovo-Mayatsky culture, Mayatsky archaeological assemblage, funeral offerings, axes, typology.

REFERENCES

- Aksenov V. S., 2001. Rubezhanskiy katakombnyy mogil'nik saltovo-mayatskoy kul'tury na Severskom Dontse [Rubezhanskiy catacomb cemetery of Saltovo-Mayatskaya culture on Severskiy Donets]. *Donskaya arkheologiya [Don archaeology]*, 1–2, pp. 62–78.
- Aksenov V. S., 2005a. Novye pominal'nye komplekсы voynov-vsadnikov saltovskogo vremeni s territorii Verkhnego Podonech'ya [New funeral complexes of riding warriors of Saltovo time from territory of Upper Donets]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in medieval epoch]*, 4. *Khazarское время [Khazarian time]*. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 357–368.
- Aksenov V. S., 2005b. Saltovskie krematsionnye mogil'niki s konskimi nachel'nikami iz basseyna Severskogo Donsa [Saltovo cremation cemeteries with horse chamfreins from Severskiy Donets basin]. *Khazarский al'manakh [Khazarian miscellany]*, 4. V. K. Mikheev, ed. Kiev; Khar'kov: Mezhdunarodnyy Solomonov universitet, pp. 182–198.
- Aksenov V. S., Mikheev V. K., 2006. Naselenie Khazarского kaganata v pamyatnikakh istorii i kul'tury. Sukhogomol'shanskiy mogil'nik VIII–X vv. [Khazarian kaganate population in sites of history and culture. Sukhogomol'shanskiy cemetery of VIII–X cc.]. Kiev; Khar'kov: Mezhdunarodnyy Solomonov universitet. 306 p. (Khazarский al'manakh, 5).
- Buzhilova A. P., 2010. Donskie alany po dannym antropologii [Alans of the Don according to anthropological data]. *Chelovek i drevnosti: pamyati A. A. Formozova (1928–2009) [Man and antiquities: in memory of A. A. Formozov (1928–2009)]*. I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 855–866.
- Degtyar' A. K., 1984. Kompleks iz pogrebeniya voina u s. Kochetok na Severskom Dontse [Complex from warrior's burial near village Kochetok on Severskiy Donets]. *SA*, 2, pp. 239–246.
- Flyorov V. S., 1990. Mayatskiy mogil'nik (raskopki 1979 g.) [Mayatsky cemetery (excavations of 1979)]. *Mayatskiy arkheologicheskiy kompleks: Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii [Mayatsky archaeological complex: Materials of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]*. S. A. Pletneva, ed. Moscow: IA RAN SSSR, pp. 140–191.
- Flyorov V. S., 1993. Pogrebal'nye obryady na severe Khazarii (Mayatskiy mogil'nik) [Burial rites in North of Khazaria (Mayatsky cemetery)]. *Materialy i problemnye issledovaniya po drevney i srednevekovoy arkheologii yuga Vostochnoy Evropy [Materials and problem researches of ancient and medieval archaeology of South of Eastern Europe]*, 1. E. V. Kruglov, ed. Volgograd: Peremena. 144 p.
- Flyorov V. S., 2000. Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ya V–VIII vv.: obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh [Alans of Central Caucasus foothills in V–VIII centuries: prophylactic rite directed against the dead]. Moscow: Polimedia. 164 s. (Trudy Klin-Yarskoy ekspeditsii, I).
- Flyorova V. E., 1988. Ornamentirovannye kostyanye izdeliya Sarkela-Beloy Vezhi: problema spetsializatsii remesla [Ornamented bone artefacts of Sarkel-Belaya Vezha: problem of craft specialization]. *RA*, 2, pp. 86–99.
- Ierusalimskaya A. A., 1983. Arkheologicheskie paralleli etnograficheski zasvidetel'stvovannym kul'tam Kavkaza (po materialam mogil'nika Moshchevaya Balka) [Archaeological parallels to ethnographically recorded cults of Caucasus (based on materials of Moshchevaya Balka cemetery)]. *SE*, 1, pp. 102–113.
- Izmaylov I. L., 1989. Oruzhie blizhnego boya volzhskikh bolgar VIII–X vv. [Close combat weapons of Volga Bulgarians of VIII–X cc.]. *Rannie bolgary v Vostochnoy Evrope [Early Bulgarians in Eastern Europe]*. A. Kh. Khalikov, ed. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva Kazanskogo filiala AN SSSR, pp. 107–121.
- Izmaylov I. L., 1993. Oruzhie blizhnego boya volzhskikh bulgar X–XIII vv. (kop'ya i boevye topory) [Close combat weapons of Volga Bulgarians of X–XIII cc. (spears and battle axes)]. *Arkheologiya Volzhskoy Bulgarii: problemy, poiski, resheniya [Archaeology of Volga Bulgaria: problems, search, solutions]*. F. Sh. Khuzin, ed. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva Akademii nauk Tatarstana, pp. 77–106.

- Kirpichnikov A. N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weapons], 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny X–XIII vv. [Spears, javelins, battle axes, mace-heads, bludgeons of X–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p. (SAI, E1–36).
- Kochkarov U. Yu., 2008. Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Weapons of North-West Caucasus' warriors in VIII–XIV cc. (close combat weaponry)]. Moscow: Taus. 176 p.
- Koloda V. V., 2004. Issledovanie rannesrednevekovykh katakombnykh pogrebeniy bliz s. Verkhniy Saltov v 1996 g. [Investigation of early medieval catacomb burials near village Verkhniy Saltov in 1996]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian miscellany]*, 3. V. K. Mikheev, ed. Kiev; Khar'kov: Mezhdunarodnyy Solomonov universitet. S. 213–241.
- Komar A. V., Sukhobokov O. V., 2000. Vooruzhenie i voennoe delo Khazarskogo kaganata [Weapons and warfare of Khazarian kaganate]. Elektronnyy resurs. *Vostochnoevropeyskiy arkhologicheskii zhurnal [East European archaeological journal]*, 2. URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.
- Korobov D. S., 2008. Rasselenie alanskikh plemen Severnogo Kavkaza V–VIII vv. po dannym pogrebal'nogo obryada i pis'mennym istochnikam [Settling of North Caucasian Alanic tribes in V–VIII cc. based on data of burial rite and written sources]. *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. [Cultures of Eurasian steppes in second half of I millennium AD]*. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 52–54.
- Kryganov A. V., 1989. Vooruzhenie i voysko naseleniya Saltovo-Mayatskoy kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya) [Weapons and army of Saltovo-Mayatskaya culture (based on materials from cemeteries with cremation rite)]. *Problemy arkhologii Podneprov'ya [Problems of archaeology of Dnieper zone]*. I. F. Kovaleva, ed. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 98–114.
- Merpert N. Ya., 1955. Iz istorii oruzhiya plemen Vostochnoy Evropy v rannem srednevekov'e [From history of East European tribes' weapons in early Middle Ages]. *SA*, XXIII, pp. 131–168.
- Mikheev V. K., 1985. Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata [Don zone in structure of Khazar kaganate]. Khar'kov: Vishche shkola. 148 p.
- Pletneva S. A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranch'e (Dmitrievskiy arkhologicheskii kompleks) [On Slavic-Khazarian borderline (Dmitrievskiy archaeological complex)]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Sergeeva M. S., 1998. Ornamentatsiya izdeliy iz dereva i kosti v lesostepnom Podneprov'e v X–XIII vv. [Ornamentation of wood and bone artefacts from forest-steppe of Dnieper basin in X–XIII centuries]. *Voprosy istorii slavyan. Arkheologiya. Etnografiya [Problems of history of Slavs. Archaeology. Ethnography]*, 12, pp. 83–95.
- Svyatkin S. V., 1998. Otnositel'naya khronologiya mordovskikh boevykh toporikov-chekanov VIII–XI vv. [Relative chronology of Mordovian battle pick-axes of VIII–XI cc.]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. (voprosy khronologii) [Cultures of Eurasian steppes in second half of I millennium AD (problems of chronology)]*. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 260–266.
- Vinnikov A. Z., Afanas'ev G. E., 1991. Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii) [Cult complexes of Mayatskoe open settlement (Materials from excavations of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition)]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. 192 p.

About the author:

Vladimirov Sergey I., Voronezh State University, ul. Hol'zunova, 50, Voronezh, 394068, Russian Federation; e-mail: SergeiHistory@mail.ru.